

Научная статья

УДК 342.4

EDN QOIFUU

DOI 10.17150/2411-6262.2024.15(3).901-910

М.Д. Горбунов *Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, maxandgor@gmail.com*

ПОПРАВКИ К ГЛАВЕ 3 КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СВОЙСТВ ЕЕ ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЫ

АННОТАЦИЯ. Значительный резонанс, который породили поправки к Конституции РФ, принятые в 2020 г., выразился в широком общественном обсуждении вопроса пределов конституционных изменений. При всей широте мнений, содержащих аргументы за и против необходимости внесения изменений в конституционные положения, публичные высказывания во многом сводились к крайне политизированным тезисам. Представляется, что по прошествии времени необходимо дать взвешенную оценку Конституции с тем, чтобы подвести промежуточные итоги и очертить поле перспектив конституционного строительства. Цель статьи: объединить и расширить существующие в отечественной науке тезисы о негативных последствиях, которые были рождены неоднозначными поправками к Конституции РФ, принятыми в 2020 г. При этом исследование будет сосредоточено на анализе поправок к главе 3 Конституции как наиболее общих и фундаментальных изменений. Для целей исследования использовался комплекс всеобщих, общенаучных и специальных методов научного познания, включая общелогические приемы, системный и исторический методы, а также специальные приемы правового толкования и формально-юридический метод. В результате исследования было выявлено, что ряд поправок к гл. 3 Конституции РФ нарушает ее однородность и стабильность, поскольку входит в противоречие с неизменяемыми главами Основного Закона. Таким образом, результат конституционных изменений представляется крайне неоднозначным как с позиции теории конституционализма, так и с точки зрения формальной юридической техники. Автор отдельно отмечает необходимость учета требований духа и буквы Основного Закона в практике конституционных нововведений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Конституция РФ, дух и буква закона, основы конституционного строя, права человека и гражданина, законодательные нововведения, структура нормативного акта.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 26 апреля 2024 г.; дата принятия к печати 26 августа 2024 г.; дата онлайн-размещения 31 августа 2024 г.

Original article

M.D. Gorbunov *National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, maxandgor@gmail.com*

AMENDMENTS TO CHAPTER 3 OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION THROUGH THE PRISM OF THE PROPERTIES OF ITS INTERNAL STRUCTURE

ABSTRACT. The significant resonance generated by the amendments to the Constitution of the Russian Federation, adopted in 2020, was expressed in a wide public discussion of the issue of the limits of constitutional changes. All over the world, containing arguments for and against the need to make changes to constitutional provisions, public statements have largely been reduced to highly politicized theses. It seems that over time it is necessary to give a balanced assessment of the Constitution in order to summarize the interim results and outline the field of

© Горбунов М.Д., 2024

prospects for constitutional construction. The purpose of the article: to unite and expand the theses existing in Russian science about the negative consequences, which were born of ambiguous amendments to the Constitution of the Russian Federation, adopted in 2020. At the same time, the study will focus on the analysis of amendments to Chapter 3 of the Constitution as the most general and fundamental changes. For the purposes of the study, a set of general, general scientific and special methods of scientific knowledge was used, including general methods, systemic and historical methods, as well as special methods of legal interpretation and the formal legal method. As a result of the study, it was revealed that a number of amendments to Chapter 3 of the Constitution of the Russian Federation violate its homogeneity and stability, since it contradicts the unchangeable chapters of the Basic Law. Thus, the result of constitutional changes seems extremely ambiguous both from the standpoint of the theory of constitutionalism and from the point of view of formal legal technology. The author separately notes the need to take into account the requirements of the spirit and letter of the Basic Law in the practice of constitutional innovations.

KEYWORDS. Constitution of the Russian Federation, the spirit and letter of law, the foundations of the constitutional system, human and civil rights, legislative innovations, the structure of a normative act.

ARTICLE INFO. Received April 26, 2024; accepted August 26, 2024; available online August 31, 2024.

Проблема внесения поправок в конституцию не является темой уникальной только для отечественной науки, как и вопрос о внутреннем приоритете, иерархии и взаимном балансе между конституционными положениями, риски для которых создавали конституционные реформы [1, р. 938–963; 2, р. 69–93].

С начала обсуждения самых глубоких изменений Конституции РФ с момента ее принятия в общественном пространстве звучали разные мнения от заявлений официальных лиц о необходимости конституционных изменений¹, до ответных ремарок в юридической литературе о «глубокой обеспокоенности тем фактом, что ... поправки в гл. 3–8 Конституции вступают в противоречие с положениями ее неизменяемых 1 и 2 глав. Это создает ситуацию внутреннего противоречия ... и ведет к деградации конституционно-правовых механизмов» [3, с. 6–32]. Прошедшие несколько лет с момента успешного принятия поправок не преодолели противоречивого отношения к ним в юридической науке. Звучат как крайне положительные и умеренные отзывы о практике реализации новых изменений Конституции, так и скептические заявления о ширящихся негативных тенденциях в отечественном конституционализме [4, с. 204–210].

Главным упреком конституционным поправкам в научной литературе стало то, что они ослабляют основы Конституции как фундамента правовой системы. Правоведы указывают, в частности, на то, что: «возрастание имитационности, декоративности норм первых двух глав Конституции чревато дальнейшей ревизией и выхолащиванием духа Конституции» [3, с. 6–32]. Следует подчеркнуть, что проблематика приоритетной силы и неизменяемости ключевых конституционных положений не нова, а сейчас еще сильнее актуализировалась [5, с. 32–45]. Как резюмируется в научной литературе: «в результате внесенных изменений принцип недопустимости внесения поправок в гл. 1, 2, 9 был по факту «обойден» за счет различных средств» [6, с. 22–26].

¹ Доклад В.Д. Зорькина на юбилейной Конференции в РАН 10 декабря 2003 г. «Конституция России» // Viperson. 2007. 2 марта. URL: <http://viperson.ru/articles/doklad-v-d-zorkina-na-yubileynoy-konferentsii-v-ran-10-dekabrya-2003-goda-konstitutsiya-rossii> (дата обращения: 20.04.2024); Живая конституция развития // Государственная Дума. 2019. 17 июля. URL: <http://duma.gov.ru/news/45717/> (дата обращения: 20.04.2024).

Вместе с тем, как известно, Конституция РФ относится к числу «жестких», как предусматривающую специальный усложненный порядок изменений ее положений, в противовес «мягким» или «гибким» конституциям, где нормативные новации являются более распространенными [7, р. 3–94]. Действующие нормы гл. 9 Конституции РФ прямо указывают что, гл. 1–2 и сама гл. 9 не могут быть изменены. Действующий режим конституционализма предусматривает лишь возможность в данном случае принять новую Конституцию при дополнительных условиях созыва специального органа — Конституционного собрания и проведения всенародного референдума. В свою очередь изменение гл. 3–8 хоть и допускается, но только посредством принятия специального закона РФ о поправке к Конституции, на что отдельно указывает также Конституционный суд РФ².

Также обращают на себя внимание позиции Конституционного суда по рассматриваемому вопросу. Суд заключил, что подобный усложненный порядок внесения поправок в Основной Закон и неизменяемость положений гл. 1 и 2 вызван необходимостью ограничения произвольных новаций текста Конституции и обеспечения запрета на включение в него норм, противоречащих основам отечественного конституционализма³. В данной связи необходимо заключить, что «самые важные положения Конституции — об основах конституционного строя, правах и свободах человека и гражданина, о конституционных поправках и пересмотре Конституции изъяты из полномочий органа, имеющего право на внесение поправок» [8, с. 71–90].

При этом, до 2020 г. статус такого полномочного органа оказывался неясным, поскольку Конституционный суд за собой такие полномочия явно не закрепил. При принятии поправок Конституционный суд довольно неожиданно изменил свою позицию и признал за собой такие полномочия, сославшись на то, что данный вопрос носит конституционный характер и должен рассматриваться в рамках конституционного судопроизводства, что согласуется с его позиций, с положениями Конституции Российской Федерации»⁴.

Причина подобной неопределенности во многом обусловлена нечеткостью положений главы 9 Конституции и отсутствием выработанной практики ее применения, что создает определенные предпосылки для конъюнктурного толкования и «не исключает возможности принятия поправки противоречащей нормам гл. 1-2 Конституции при отсутствии действенного механизма нормоконтроля» [9, с. 28–42].

Вместе с тем, необходимо отметить, что такие ограничения являются планомерным и органичным результатом развития практики конституционного строительства. Еще в ранней теории конституционализма был установлен принцип, согласно которому поправки к конституции не могут подменять или искажать суть конституционных положений, основанных на конкретных фундаментальных политических решениях и воле народа при ее создании [10, р. 150–159]. При принятии

² Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 : ст. 135–136; Постановление Конституционного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 12-П по делу о толковании статьи 136 Конституции Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 1995. № 45. Ст. 4408.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 г. № 1567-О по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30, ч. II. Ст. 4397.

⁴ О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации : Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 № 1-3 // СПС «КонсультантПлюс».

поправок к Основному Закону так или иначе возникает вопрос полномочий и пределов таких поправок, который должен требовать к себе максимально ответственного отношения со стороны всех участвующих в конституционном процессе субъектов.

Примечательно, что Конституционный суд при анализе поправок к гл. 3 Конституции фактически ограничился проверкой на соответствие Основному Закону конкретных поправок как частных формулировок без глубокого анализа вводимых положений и в полной мере не рассматривая вопрос о родовом несоответствии вводимых изменений содержанию гл. 3.

Причина выбранного подхода во многом заключается в попытке обойти действующие процедуры и обойтись малыми жертвами при изменении Конституции. В основе убежденности необходимости выбора такого направления государственной политики во многом легло в основу распространенного убеждения, что Конституция сама по себе консервативна и не может достаточно эффективно регулировать общественные отношения, поскольку не поспевает за их развитием [11, с. 219].

В результате предметный анализ приведенных положений показывает обратное, что их содержание кажется значительно в большей степени органично вписывается в положения гл. 1 и 2 Конституции [12, с. 1–14; 13, с. 8–31; 14, с. 24–34; 15, с. 134–138]. Данная проблема носила бы технический характер, если бы не специальный порядок внесения изменений в положения Конституции. Кроме того, в научной литературе однозначно подчеркивается существование специфической внутренней иерархии Конституции, в которой гл. 1 и 2 имеют особую роль. Нормы Конституции иерархически соподчинены и соответственно неравны по своей силе: «первой степенью конституционной силы обладают нормы содержащиеся в гл. 1, которые составляют «конституцию в конституции»; второй степенью силы обладают нормы содержащиеся в гл. 2 и 9, которые могут быть отменены только путем принятия новой Конституции; третьей степенью обладают нормы содержащиеся в главах с 3 по 8 включительно» [16, с. 43–49]. Кроме того, такое расположение норм в рамках глав Конституции обусловлено их содержанием и имеет не только текстуально-техническое значение, но и концептуально-смысловое, поскольку обуславливает внутреннюю иерархическую и нормативную организацию Основного Закона. В таком контексте смешение норм разной видовой принадлежности нарушает требование о внутренней стройности Конституции.

Разграничение норм по главам Конституции кажется не случайным, но вполне закономерным. Более того, представляется возможным говорить о жестком закреплении в Конституции принадлежности той или иной группы отношений к конкретной главе и установление приоритета их силы и правовой защиты в том числе от политико-правового волюнтаризма. Поддерживается это смысловой и телеологической компонентой, тем, что можно назвать духом конституционного закона. Как отмечается в литературе: «названные структурные части Конституции — это своего рода нормативно-правовой генератор конституционного духа» [17, с. 5–17].

Далее следует обратиться к тексту норм, которыми была дополнена гл. 3, вызывающих наибольшие вопросы с точки зрения внутренней структуры Конституции:

1. Статья 67.1 включила в себя значительное число декларативных норм о защите исторической правды, правопреемстве РФ, охране детства и связующей общество вере в Бога. Данные положения скорее относятся к «Основам конституционного строя», в свою очередь последняя норма в принципе воспринимается если не как противоречащая главе 1, то как минимум как неоднозначная по своему содержанию.

Положения о правопреемстве СССР и следовании исторической правде во многом являются смысловым продолжением Преамбулы и выражают общую направленность государственной деятельности в условиях исторического и идеоло-

гического консенсуса с обществом, а потому являются программными. Родовая принадлежность данных норм органично связана с основами конституционного строя. Это, в свою очередь, еще больше подчеркивает важность данных положений и определяет невозможность их включения в гл. 3 Конституции без должного соблюдения процедуры принятия.

Защита детства прямо называется приоритетом государственной политики, но подобные общегосударственные приоритеты, исходя из системного толкования Конституции, фиксируются в гл. 1, что подтверждается и фактический структурой Основного Закона. Кроме того, данные положения также затрагивают правовой статус человека и являются во многом основой ст. 38, потому технически должны предшествовать ей.

Положение о вере в Бога связано со ст. 14 Конституции, поскольку именно она определяет место государства в духовной сфере жизни общества. Кроме того, фактически вводимая норма и содержание ст. 14 выражают разные подходы, поскольку светский характер государства предполагает строгую нейтральность государства в вопросах религиозной жизни общества. В связи с этим здесь содержится значительный потенциал для противоречий, особенно в условиях действия ст. 28, предусматривающей свободу совести.

2. Статьи 68–69 по аналогии с выше названной содержат в себе расширяющие положения, которые значительно выходят за рамки норм об официальном статусе русского языка и организации управления на основе идеи многонациональности, формируя основы культурной политики в сфере языка и поддержания национального многообразия российской государственности. Если прежние положения 68 статьи Конституции указывали лишь на организацию федеральной политики в сфере языка, а ст. 69 определяла основу для создания национальных автономий и самоопределения народов внутри Федерации, то поправки изменяют характер данных статей на программные в сфере организации национальной политики, устанавливающей приоритет русского языка при сохранении многонационального характера культуры государства. В целом данные положения являются продолжением декларативных норм ст. 3 и 26 Конституции, включая в себя уточняющие положения общезначимого характера. Дело в том, что поправки меняют контекст рассматриваемых норм на общекультурный, выстраивая приоритет ценности проведения многонациональной политики, и выходя за пределы простой организации федеральных отношений. Особое внимание следует обратить на новую категорию «государствообразующего народа», которая перестраивает общие приоритеты в национальной политике и значительно трансформирует положение о едином «многонациональном народе России», поскольку выделяет в нем специфическую составляющую, изменяя тем самым норму ст. 3, а потому, для обеспечения юридической действительности, она должна располагаться соответственно в гл. 1.

3. Статья 71, в частности в пункте «ж» включила в себя установки государственной политики в сфере семейных отношений, а также официальную отраслевую дефиницию брака. Представляется, что данная норма имеет родовую принадлежность, относящуюся к нормам гл. 2 Конституцию, поскольку она определяет правовые возможности субъектов в сфере семейного права и отраслевого семейного законодательства. Данная норма прямо определяет пределы построения семейных союзов, ограничивая распространение в России ряда тенденций изменения семейного законодательства. Также содержание гл. 3 до поправок отражало лишь норму о разграничении предметов ведения в регулировании отраслевого законодательства, но не общегосударственные приоритеты при организации таких отношений.

4. Статьи 72, 75 и 75.1 содержат нормы об основах социального обеспечения и политике в сфере труда, а также обязанности государства ведения социально-ориентированной экономической политики. Данные положения тесно связаны с нормами гл. 1 и 2, в частности со ст. 7, 37, 39 и в целом направлены на расширение и уточнение их содержания. Таким образом, данные нормы также имеют соответствующую родовую принадлежность, поскольку касаются не федеративных отношений, а предоставления гарантий прав и свобод в сфере социально-экономической политики государства. Кроме того, данные нормы фактически импортированы из действующего отраслевого законодательства в сфере социального обеспечения. Нахождение их в главе 3 ведет к нарушению последовательности нормативного материала и не соответствует соответствующей статье по пределам регулирования.

5. Статьи 79 обращаются к нормам, определяющим положение международного права в системе законодательства РФ, и фактически переопределяют положение гл. 1, а ст. 79.1 продолжая общую линию изменений предыдущей статьи определяет международные задачи Российской Федерации. Вопрос о содержании нормативной системы Российской Федерации и места в ней международного права определяется ст. 15 Конституции и является одним из ключевых в организации правовых отношений на уровне всего общества. Кроме того, данная норма устанавливает жесткий приоритет международного права. Рассматриваемые нормы не только ограничивают действие ст. 15, но и устанавливают эксклюзивное право Конституционного суда на проверку соответствия международных норм Конституции. Проблема здесь кажется более значительной, чем определение родовой принадлежности норм, поскольку вводимые нормы при их более низком иерархическом приоритете вводят положения, противоречащие основам конституционного строя. Определение международных задач Российской Федерации является ни чем иным, как установлением приоритета общегосударственной политики, а потому должно подтверждаться положениями главы 1 Конституции, которая непосредственно закрепляет такие установки общенационального консенсуса.

Таким образом, гл. 3 Конституции в новой редакции включила в себя нормы, значительно отличающиеся от изначального предметного содержания главы «Федеративное устройство», в том числе: «усиливающие идеологическую основу Конституции РФ; корректирующие социальную политику государства, и, устраняющие неопределенность в вопросах международного права» [12, с. 1–14]. Представляется, что данные нормы фактически содержат в себе положения, относящиеся к основам конституционного строя и статусу человека и гражданина, нежели к федеративному устройству. Однако, справедливым будет указать, что степень озабоченности по вопросу поправок значительно варьируется вплоть до позиции, что несмотря на то, «что к редакции и местоположению некоторых вновь принятых конституционных норм есть вопросы, тем не менее следует констатировать, что ... это является вынужденной мерой» [12, с. 1–14; 15, с. 134–138]. Однако, такая вынужденная мера противоречит существующему порядку изменения положения Конституции.

Представляется, что такие сдержанные оценки во многом обусловлены достаточной степенью полезности вносимых поправок. Действительно, оспаривать расширение социальных гарантий кажется неразумным с точки зрения социальной ориентированности базового текста Основного Закона. Усиление же ценностной составляющей Конституции объективно вписывается в существующие политико-правовые тенденции. Но проблема заключается не столько в содержании поправок, а том, что они создают опасный прецедент преодоления конституционных ограничений, носящих фундаментальный характер. В обоснование данной

позиции следует обратить внимание на то, как отечественный конституционализм воспринимает подобные тенденции.

Юридическая наука до инициации внесенных поправок четко указывала на стабильность и устойчивость положений Конституции как ее ключевое свойства и предостерегала от ее произвольного изменения, а также манипуляции механизмом внесения поправок, признавая, что риск подобных негативных тенденций в связи с последними поправками вырос [13, с. 8–31].

Словами одного из создателей Конституции Российской Федерации С.М. Шахрая можно сказать, что эффективность Конституции определяется ее «способностью длительное время сохранять свою стабильность, меняя действительность в заданном направлении, несмотря на отсутствие в стране политического консенсуса» [19, с. 44–54]. По утверждению правоведа важнейшим свойством отечественной Конституции является то, что она обладает «ядром согласия». Таким ядром выступают как раз таки первые две главы Конституции — «Основы конституционного строя» и «Права и свободы человека и гражданина», которые «надежно защищены от возможных попыток изменить ее положения в угоду сиюминутной политической конъюнктуре» [там же]. Сохранение «ядра» важно в первую очередь, чтобы защитить общее поле согласия государства, общества и личности при отказе от политической конъюнктуры и сиюминутной ангажированной целесообразности [20, с. 50–59]. В таком контексте стремление обойти существующие формальные и догматические требования наглядно проявилось в поправках 2020 г. Конституционалистам остается воспринимать данные нормы именно с позиции буквы, поскольку формальная сила этих норм обеспечена.

Таким образом, на основании всего выше сказанного следует заключить, что даже если сегодня возможность практического оспаривания положений Конституции кажется маловероятной, то сам потенциал такого варианта событий кажется дестабилизирующим для сложившейся правовой системы.

Исследование поправок как с точки зрения текстуального выражения, так и с точки зрения установок конституционно-правовой догмы позволило выделить следующие критические аспекты:

предметная область отношений, урегулированных поправками гл. 3, относится к гл. 1 и 2, поскольку ряд поправок содержат в себе положения об общих направлениях государственной политики и непосредственно затрагивают права граждан;

- содержание ряда поправок противоречат нормам гл. 1 и 2 Конституции, поскольку вводят правила, искажающие смысл их положений;

- нарушена норма о запрете внесения в Конституцию положений, противоречащих по содержанию неизменяемым главам;

- поправки формально обошли существующий правовой запрет на внесение изменений в фундаментальные положения Основного закона;

- снижение авторитета норм неизменяемых глав Конституции и размывание их содержания ввиду создания прецедента их фактического изменения;

- формирование сложно устранимой проблемы роста потенциала конституционно-правовых споров из-за низкой легальной основы поправок;

- нарушение баланса между буквой и духом конституционного закона вследствие деформации общей телеологической установки на стабильность фундаментальных конституционных положений, являющихся предметом общественного консенсуса.

В заключении следует сказать, что общественные и политические отношения динамичны по своей природе, потому при трансформации процессов и дискурсов Конституция как фундамент отечественной правовой системы должна быть дей-

ствительно прочна. В свою очередь, спорные моменты, выделенные выше, снижают устойчивость конституционных положений. Вместе с тем трудно предсказать потенциальные следствия практики применения данных положений при изменении политико-правовой ситуации и обновлении позиции Конституционного суда. Подтвердит ли практика действие этих положений как легальных или отвергнет их как противоречащие духу Конституции покажет время.

Список использованной литературы

1. Acemoglu D.A. Theory of Political Transitions / D. Acemoglu, J. Robinson // *The American Economic Review*. — 2001. — Vol. 91, no. 4. — P. 938–963.
2. Ginsburg T. Constitutional Specificity, Unwritten Understanding and Constitutional Agreement / T. Ginsburg // *Public Law and Legal Theory Working Paper*. — 2010. — Vol. 30. — P. 69–93.
3. Румянцев О.Г. Конституционная реформа-2020 в Российской Федерации: пристрастная оценка / О.Г. Румянцев. — EDN YOHWFA // *Конституционный вестник*. — 2020. — № 5 (23). — С. 6–32.
4. Болдырев Ю.Ю. Дух «Поправки к Конституции» в действии / Ю.Ю. Болдырев // *Конституционный вестник*. — 2021. — №. 6 (24). — С. 204–210.
5. Пляйс Я.А. Непрочный фундамент: компаративный анализ оценок российской Конституции 1993 года / Я.А. Пляйс. — DOI 10.24411/2221-3279-2019-10028. — EDN OYRBN // *Сравнительная политика*. — 2019. — № 3 (10). — С. 32–45.
6. Ромашов Р.А. Юридическая техника изменения конституционного законодательства в системе «живого» права современной России / Р.А. Ромашов. — EDN SWSEPE // *Юридическая техника*. — 2023. — № 17. — С. 22–26.
7. Bryce J. Flexible and Rigid Constitutions / J. Bryce // *Constitutions*. — London : Oxford University Press, 1905. — P. 3–94.
8. Шустров Д. *Essentia constitutionis: Конституция Российской Федерации — взгляд через века конституционной теории* / Д. Шустров. — DOI 10.21128/1812-7126-2017-3-71-90. — EDN YUNGID // *Сравнительное конституционное обозрение*. — 2017. — № 3 (118). — С. 71–90.
9. Виноградов О.В. Изменение Конституции Российской Федерации: проблемы теории и практики конституционноправового регулирования / О.В. Виноградов. — EDN ONCYZB // *Ленинградский юридический журнал*. — 2010. — № 4. — С. 28–42.
10. Schmitt C. *Constitutional Theory* / C. Schmitt. — Durham : Duke University Press, 2008. — 488 p.
11. Саликов М.С. Конституционно-контрольное нормотворчество в контексте доктрины живой конституции / М.С. Саликов, С.Э. Либанова, И.Ю. Остапович. — DOI 10.17223/15617793/440/30. — EDN GOBCFK // *Вестник Томского государственного университета*. — 2019. — № 440. — С. 219–230.
12. Горохова С.С. О поправках к третьей главе Конституции Российской Федерации: что нового? / С.С. Горохова. — DOI 10.7256/2454-0706.2020.9.33400. — EDN KOVMGZ // *Право и политика*. — 2020. — № 9. — С. 1–14.
13. Алексеев Р.А. Конституция Российской Федерации: история поправок / Р.А. Алексеев. — DOI 10.18384/2224-0209-2021-1-1058. — EDN DJXVIG // *Вестник Московского государственного областного университета*. — 2021. — № 1. — С. 8–31.
14. Голещихин В.С. Юридико-технические дефекты конституционных поправок 2020 года / В.С. Голещихин. — EDN NVHGEJ // *Актуальные проблемы российского права*. — 2021. — № 12 (133). — С. 24–34.
15. Зиньков Е.Н. Эволюция порядка пересмотра Конституции РФ и внесения в нее поправок: значение и актуальные проблемы / Е.Н. Зиньков, И.И. Тулиев. — DOI 10.37523/SUI.2021.44.3.021. — EDN LOGLIQ // *Вестник Самарского юридического института*. — 2021. — № 3 (44). — С. 134–138.
16. Югов А.А. Сущность, содержание и форма Конституции РФ: вариант осмысления социального предназначения Основного Закона / А.А. Югов. — EDN UYOWWH // *Актуальные проблемы права : материалы IV Междунар. науч. конф., Москва, 20–23 нояб. 2015 г.* — Москва, 2015. — С. 43–49.

17. Бондарь Н.С. Буква и дух российской Конституции: 20-летний опыт гармонизации в свете конституционного правосудия / Н.С. Бондарь. — EDN ROVUTX // Журнал российского права. — 2013. — № 11 (203). — С. 5–17.

18. Колодий И.О. «Преобразование» Конституции Российской Федерации / И.О. Колодий. — EDN XAZUCJ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2016. — № 1 (8). — С. 42–47.

19. Шахрай С.М. Конституция России: стабильность и развитие / С.М. Шахрай. — DOI 10.17803/1994-1471.2018.95.10.044-054. — EDN YOIBVZ // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 10 (95). — С. 44–54.

20. Арановский К.В. Роль Конституции в политико-правовом обустройстве России: исходные обстоятельства и современные ожидания / К.В. Арановский, С.Д. Князев. — EDN OMQDSX // Сравнительное конституционное обозрение. — 2013. — № 3 (94). — С. 50–59.

References

1. Acemoglu D.A., Robinson J. Theory of Political Transitions. *The American Economic Review*, 2001, vol. 91, no. 4, pp. 938–963.

2. Ginsburg T. Constitutional Specificity, Unwritten Understanding and Constitutional Agreement. *Public Law and Legal Theory Working Paper*, 2010, vol. 30, pp. 69–93.

3. Rumyantsev O.G. Constitutional Reform-2020 in the Russian Federation: Biased Assessment. *Konstitutsionnyi vestnik = Constitutional Bulletin*, 2020, no. 5, pp. 6–32. (In Russian). EDN: YOHWFA.

4. Boldyrev YU.YU. The Spirit of the “Amendment to the Constitution” in Action. *Konstitutsionnyi vestnik = Constitutional Bulletin*, 2021, no. 6, pp. 204–210. (In Russian).

5. PlyaIs Ya.A. Weak Foundation: Comparative Analysis of the Assessments of the Russian 1993 Constitution. *Sravnitel'naya politika = Comparative Politics Russia*, 2019, no. 3, pp. 32–45. (In Russian). EDN: OYRRBN. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10028.

6. Romashov R.A. Legal Technique of Changing Constitutional Legislation in the System of “Living” Law of Modern Russia. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, 2023, no. 17, pp. 22–26. (In Russian). EDN: SWSEPE.

7. Bryce J. Flexible and Rigid Constitutions. *Constitutions*. London, Oxford University Press, 1905, pp. 3–94.

8. Shustrov D. Essentia Constitutionis: Constitution of the Russian Federation — A Look Through the Centuries of Constitutional Theory. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2017, no. 3, pp. 71–90. (In Russian). EDN: YUNGID. DOI: 10.21128/1812-7126-2017-3-71-90.

9. Vinogradov O.V. Amendment of the Constitution of the Russian Federation: Problems of Theory and Practice of Constitutional and Legal Regulation. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Law Journal*, 2010, no. 4, pp. 28–42. (In Russian). EDN: ONCYZB.

10. Schmitt C. *Constitutional Theory*. Durham, Duke University Press, 2008. 488 p.

11. Salikov M.S., Libanova S.Eh., Ostapovich I.Yu. Constitutional Supervisory Rulemaking in the Context of the Doctrine of the Living Constitution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2019, no. 440, pp. 219–230. (In Russian). EDN: GOBCFK. DOI: 10.17223/15617793/440/30.

12. Gorokhova S.S. On amendments to the Third Chapter of the Constitution of the Russian Federation: What Is New? *Pravo i politika = Law and Politics*, 2020, no. 9, pp. 1–14. (In Russian). EDN: KOBMGZ. DOI: 10.7256/2454-0706.2020.9.33400.

13. Alekseev R.A. The Constitution of the Russian Federation: The History of Amendments. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta = Bulletin of the Moscow Region State University*, 2021, no. 1, pp. 8–31. (In Russian). EDN: DJXVIG. DOI: 10.18384/2224-0209-2021-1-1058.

14. Goleshchikhin V.S. Legal and Technical Defects of Constitutional Amendments of 2020. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2021, no. 12, pp. 24–34. (In Russian). EDN: NVHGEJ.

15. Zinkov E.N., Tuliev I.I. Evolution of the Procedure for Revising the Constitution of the Russian Federation and Making Amendments to It: Significance and Current Problems. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2021, no. 3, pp. 134–138. (In Russian). EDN: LOGLIQ. DOI: 10.37523/SUI.2021.44.3.021.

16. Yugov A.A. Essence, Content and Form of the Constitution of the Russian Federation: An Option for Understanding the Social Purpose of the Basic Law. *Actual Problems of Law. Proceedings of the IV International Scientific Conference, Moscow, November 20–23, 2015*. Moscow, 2015, pp. 43–49. (In Russian). EDN: UYOWWH.

17. Bondar' N.S. The Letter and the Spirit of the Russian Constitution: 20 Years' Experience of Harmonization in the Light of Constitutional Justice. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2013, no. 11, pp. 5–17. (In Russian). EDN: ROVUTX.

18. Kolodii I.O. "Conversion" of the Constitution of the Russian Federation. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2016, no. 1, pp. 42–47. (In Russian). EDN: XAZUCJ.

19. Shakhrai S.M. The Constitution of Russia: Stability and Dynamism. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2018, no. 10, pp. 44–54. (In Russian). EDN: YOIBVZ. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.95.10.044-054.

20. Aranovskii K.V., Knyazev S.D. The Role of the Constitution in Political-Legal Formation of Russia: Original Circumstances and Modern Expectations. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2013, no. 3, pp. 50–59. (In Russian). EDN: OMQDSX.

Автор

Горбунов Максим Дмитриевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель, кафедра теории и истории государства и права, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, maxandgor@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5266-8852>, SPIN-код: 8260-3650, AuthorID РИНЦ: 827751.

Author

Maxim D. Gorbunov — PhD in Law, Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, maxandgor@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5266-8852>, SPIN-Code: 8260-3650, AuthorID RSCI: 827751.

Для цитирования

Горбунов М.Д. Поправки к главе 3 Конституции Российской Федерации через призму свойств ее внутренней структуры / М.Д. Горбунов. — DOI 10.17150/2411-6262.2024.15(3).901-910. — EDN QOIFUU // *Baikal Research Journal*. — 2024. — Т. 15, № 3. — С. 901–910.

For Citation

Gorbunov M.D. Amendments to Chapter 3 of the Constitution of the Russian Federation Through the Prism of the Properties of Its Internal Structure. *Baikal Research Journal*, 2024, vol. 15, no. 3, pp. 901–910. (In Russian). EDN: QOIFUU. DOI: 10.17150/2411-6262.2024.15(3).901-910.